

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

я не могу иначе

Валентина
Толкунова

Валентина Васильевна Толкунова
Анна А. Староминская
Я не могу иначе. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная автобиография женщины-эпохи»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203263
Я не могу иначе. Жизнь, рассказанная ею самой: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85895-8

Аннотация

Эта книга – уникальная автобиография Валентины Толкуновой, рассказанная ею незадолго до ухода из жизни. В конце пути, уже зная, что она безнадежно больна, великая певица делится личным пониманием мира и своей жизни в искусстве, по-настоящему раскрываясь и переосмысливая все самое сокровенное.

При жизни Валентина Толкунова была человеком достаточно закрытым, близко к себе подпускала не всякого. И вот теперь ее голос звучит нежной флейтой со страниц книги, трепетно приоткрывая ту «затаенную красоту души», которую эта блестящая русская певица видела в каждом, которой она сама обладала в полной мере.

Содержание

Из памяти...	6
Народный артист СССР. Иосиф Кобзон	6
Народный артист России. Игорь Крутой	8
Народный артист России. Лев Лещенко	14
Заслуженный артист России. Леонид Серебренников	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валентина Толкунова Я не могу иначе. Жизнь, рассказанная ею самой

© Староминская А. А., 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Из памяти...

Народный артист СССР. Иосиф Кобзон

Профессия артиста всегда казалась заманчивой, привлекательной, интересной для многих. Эстрада не знала недостатка в певцах и актерах, и по сей день это так.

Валя Толкунова относилась к тем молодым, красивым людям, что стремились на сцену, в музыку, в сферу культуры. Выдающимися вокальными данными она не обладала, да и не претендовала на это, но была поистине музыкальна, с приятным, душевным тембром голоса.

В самом начале своего пути, в ВИО-66 под руководством Юрия Саульского, она набиралась опыта, исполняя джаз и готовя себя к карьере эстрадной певицы. После расставания с Саульским Валентина оказалась в одиночестве, как в личном, так и в творческом смысле. Мы с ней встретились, и я спросил: «Чем сейчас занимаешься?» Она ответила: «К сожалению, ничем». Я предложил Валюше прийти к нам, в Москонцерт. В то время существовал художественный совет, и она пришла на прослушивание. Нельзя сказать, что Валя произвела на членов совета сильное впечатление, но концертов в то время было в избытке, имелась возможность работать, и я настоял на том, чтобы она осталась в Москонцерте.

К счастью, Игорь Крутой оказался свободен как аккомпаниатор и руководитель музыкального коллектива, и они несколько лет концертировали вместе. Потом Валя Толкунова работала с блистательным пианистом Давидом Ашкенази, подарившим ей необычайное творческое вдохновение. На протяжении долгого времени они выходили на лучшие площадки СССР, у нее появились первые шлягеры, которые запела вся страна: «Поговори со мною, мама», «Серебряные свадьбы», «Носики-курносики», а позднее – пронзительная, трагическая песня «Мой милый, если б не было войны».

Валя была красивой женщиной и привлекала не тем, чем сейчас принято привлекать публику: сексуальными нарядами или природными формами, выставленными напоказ. Она выходила скромно одетая, с длинной роскошной косой, такая светлая, уютная, своя... Многие воспринимали Валу как сестру, дочь, подругу, потому что ее песни были понятны и близки людям. Любая женщина могла исполнить у себя на домашнем празднике весь репертуар Толкуновой – настолько легко запоминались тексты и мелодии, согревая душу.

Будучи уже народной артисткой РСФСР и зная всех коллег по сцене, Валя держалась вдалеке от интриг, сплетен, закулисных игр. Все мы так или иначе обсуждали друг друга, были в курсе происходящего в семьях, она же не принимала участия в этих разговорах.

К сожалению, личная жизнь Толкуновой не удалась. Она была бесконечно счастлива рождению сына Николая, говорила о нем не иначе как: «Мой Коленька!», но даже Коля, повзрослев, не принес ей радости, и что бы сейчас ни говорили, будто он всегда находился рядом, – это не так.

Валя была очень одинока. Я не боюсь этого определения, потому что такова правда. Ее супруг, писатель, журналист-международник Папоров, находился на другом краю земли; понять и принять Валину потребность жить творчеством ему оказалось непросто, и они продолжали жить в разных концах планеты.

У нас с Валею есть общие друзья в Украине. Мы часто бывали с ней в Киеве по приглашению народного артиста Украины Яна Табачника, вместе ездили в Петербург, часто встречались на общих концертах и, как сейчас принято говорить, на корпоративных мероприятиях. Вся жизнь фактически прошла бок о бок.

Толкунова была, есть и остается для любого артиста того периода, а также всех людей среднего возраста очаровательной женщиной и замечательной певицей, которая излучала тепло и свет. Я считаю, ее нишу никому занять не под силу, потому что к такому репертуару необходима ее душа. Валентине было дано исполнять проникновенно и светло даже такие песни, как «Мы на лодочке катались», а это задача далеко не из простых.

Толкунова никогда не выставила напоказ свою религиозность, хотя являлась глубоко верующим человеком. Она была просто удивительной: высокопорядочной, исключительно коммуникабельной, но при этом ненавязчивой, тактичной, деликатной и скромной, подчас до застенчивости. Такой я ее знал и такой буду вспоминать.

Народный артист России. Игорь Крутой

Впервые мы встретились с Валентиной Васильевной у нее дома, в однокомнатной квартире на улице Чехова. Привел меня к ней главный администратор Театра им. Ленинского комсомола Николай Анатольевич Басин, чтобы поговорить о создании оркестра – эта идея была приоритетной для Толкуновой в тот период времени. Обычно она работала под аккомпанемент пианиста или выступала с оркестром Юрия Васильевича Силантьева. Меня привели «на смотрины» в качестве музыкального руководителя коллектива. Как только я дал свое согласие, у нас начались довольно интенсивные встречи.

Следующая наша встреча состоялась уже на улице Горького – Валентина Васильевна получила там квартиру. Я пришел в самом разгаре репетиции песни «Мой милый, если б не было войны» с Давидом Ашкенази и мгновенно окунулся в особую, толкуновскую атмосферу. Песня, безусловно, великая: музыка Марка Минкова, стихи Игоря Шаферана и, вдобавок ко всему, великий аккомпаниатор. Вот так я, с места в карьер, оказался в гуще событий. Над песней Толкунова работала уникально. Давид Владимирович многое ей подсказывал, она чутко реагировала, и для меня эти полтора часа пролетели как одно мгновение. Надо сразу отметить, что опыт, приобретенный за шесть лет работы с Толкуновой, очень пригодился мне в дальнейшем.

У нее был свой подход к песне, к тому, как должен звучать оркестр, хотя в этом вопросе я зачастую был с ней не согласен; мы много спорили, обсуждали музыкальные нюансы. Я набирался опыта на гастролях и четче понимал, какими именно должны быть аранжировки для Толкуновой, какие инструменты мы задействуем дополнительно. В итоге мы рискнули и ввели в ансамбль домры, что было довольно необычно для вокально-инструментальной группы.

Валентина Васильевна – суперпрофессиональная певица. Что бы у нее внутри ни происходило, она относилась к гастролям и к публике с необычайным уважением, а публика это чувствовала и отдавала ей свою любовь.

Мы неоднократно выступали на огромных площадках (я пришел в тот момент, когда она еще собирала дворцы спорта), но преимущественно залы были тысячными-полутораты-сячными. Люди, приходившие послушать Толкунову, бесконечно обожали ее, от первого до последнего зрителя. Ей писали записки «Вы вернули меня к жизни», «Я думал, что жизнь закончилась, и только Ваш голос помог», «Вы подарили мне новое понимание счастья». Такая переписка с любимой певицей шла на протяжении всей ее творческой жизни; люди писали ей, находясь в состоянии нервного срыва и прося о помощи – или выражая глубокую признательность за свет, который она излучала. Для своей публики Толкунова была богиней, посланницей свыше. Поклонники ее обожествляли, исцелялись ею и даже говорили, что ее песни облегчают физическую боль.

Валентину Васильевну очень любила наша армия. Каждый год мы ездили по линии ЦДСА (Центральный дом Советской Армии) в разные войска, ежегодно гастролировали по Германии и Польше. Польшу я запомнил особо отчетливо, поскольку в то время готовился к поступлению в консерваторию и параллельно с концертами разучивал программу к экзаменам: нашел себе в Доме офицеров пианино и бегал туда заниматься.

Гастроли в Германии были настоящим праздником: после каждого концерта случались пышные банкеты. Толкунова никогда не чуралась нас, музыкантов, и всегда приглашала к активному участию в веселье, просила говорить тосты, чтобы мы учились свободно и непринужденно общаться. Она и сама любила поднять бокал и сказать несколько хороших фраз, причем говорила красивым, образным и правильным языком, великолепно выражая свои

мысли. Наиболее ценным я всегда считал глубокий смысл, неизменно присутствовавший в ее речах.

Хочу заметить, Толкунова была непростым человеком. Не всегда тот образ, который она несла со сцены, соответствовал ей на все сто, хотя во многом, конечно же, это была она, настоящая. С одной стороны, Валентина Васильевна могла на сцене при любых обстоятельствах собраться, взять себя в руки и сохранить особую подачу; с другой стороны, бывали моменты, когда во время песни она оборачивалась к нам, музыкантам, и с ее лица сходило лучезарное выражение. Таковым было присущее ей мастерство, личный профессионализм.

Поначалу я рассматривал работу с Валентиной Васильевной как возможность иметь стабильный заработок, опереться на известное имя. Уже потом у нас сложились теплые творческие и человеческие отношения.

Работая в коллективе Толкуновой, я благодаря Николаю Анатольевичу Басину параллельно выступал и с Володей Мигулей, и с Евгением Леоновым, и с Михаилом Сметанниковым, которому мы аккомпанировали в большой программе, насыщенной романсами и удивительно красивыми композициями. Я сдружился с Леоновым, он искренне и трогательно переживал за меня, а как-то раз предложил: «Давай мы с Валею сходим и попросим для тебя квартиру». Исходила эта идея от него, а Валентина Васильевна охотно ее поддержала. Все вместе мы приехали к Игорю Шахманову, вошли в кабинет, и Леонов буквально упал ему в ноги. Первый секретарь совершенно опешил, но вовремя кинулся поднимать Евгения Павловича.

Сначала Шахманов предложил выделить мне кооператив, но Толкунова мгновенно парировала: «У него же нет денег!», и это было чистой правдой – денег у меня тогда действительно не было. Тогда он распорядился найти комнату в коммуналке, с соседкой не младше восьмидесяти лет. Так, благодаря Валентине Толкуновой и Евгению Леонову я получил свою первую жилплощадь в Москве.

Поездка к первому секретарю была всецело их инициативой: во-первых, Леонов очень тепло, по-отечески ко мне относился; во-вторых, они знали, что я разошелся с женой и переезжаю с одной съемной квартиры на другую. Для меня было сделано важное и доброе дело.

Мы не испытывали недостатка в гастролях; концерты проходили интересно, при неизменных аншлагах. И с Толкуновой – моим первым гастролером – мне повезло во всех смыслах: нам предоставляли лучшие гостиницы, встречали на уровне секретарей горкома, а уж курьезов и смешных ситуаций было такое множество, что хватило бы на отдельную книгу. Многое было связано с различными шутками и розыгрышами Ашкенази, но, к сожалению, о таком не рассказывают публично. Одним словом, всем нам было весело.

Валентину Васильевну очень любил Силантьев. Из всех исполнителей так сильно он любил лишь двоих – Магомаева и Толкунову. «Песня года» того времени состояла из огромного количества артистов, их репетиционное время с Эстрадно-симфоническим оркестром Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением Юрия Силантьева было расписано по часам, но больше всего он обожал репетировать именно с ней. А уж как она обожала репетиции! Концерты концертами – на них она подпитывалась, обменивалась энергетикой с публикой, – но репетиционный период был для нее чрезвычайно важен. В ее третьей квартире на улице Жолтовского мы могли репетировать часами напролет, и она получала от этого огромное удовольствие. Иногда я грешным делом думал: «Поскорее бы уже смыться! У меня еще куча всяких дел», а она с воодушевлением предлагала все новые и новые варианты: «А что, если сделать так... А давай мы попробуем иначе».

Периодически мы выступали перед высокопоставленными людьми. Впервые концерт такого уровня прошел в Ялте при участии великого конферансье Эмиля Радова. Внезапно нам сообщили новость: «Завтра у вас концерт в Нижней Ореанде». В атмосфере тайны и недоговоренности нас привезли на летнюю площадку, где уже сидели в ожидании человек

сорок, каждый из которых занимал должность не ниже заместителя министра СССР. В первом ряду сидели Галина Брежнева и Юрий Чурбанов.

Обычно на всех концертах во время исполнения песни «Вот кто-то с горочки спустился» зал вместе с Толкуновой пел припев. Валя очень тактично сказала «высоким» зрителям примерно следующее: «Я понимаю, что вы устали и хотите спокойно отдохнуть, но если у вас появится желание подпеть мне «Вот кто-то с горочки...», будет замечательно. Эту песню пела еще моя бабушка». В первом припеве ей никто не подпел, во втором тоже. Ожидался полный провал. В критический момент Галина Леонидовна Брежнева вдруг запела, и все сорок человек дружно подхватили, потому что пела сама дочь генсека.

После концерта состоялся ужин, и брат Толкуновой, Сережа, спросил у Галины Леонидовны разрешения прикурить от зажигалки Чурбанова, лежавшей на столе. Она ответила: «Конечно! И возьми ее себе, я тебе дарю... пока Чурбанов не видит».

Я был знаком со вторым мужем Валентины Васильевны, Юрием Николаевичем Паповым, импозантным, статным мужчиной. Еще до нашего с ним знакомства Римма Казакова отзывалась о Папове как об исключительно одаренной личности.

Как-то раз он поехал с нами на гастроли в Среднюю Азию, в город Ош. Мы сидели в теплый день у озера и беседовали, а в Москве стояли холода. Он много, интересно рассказывал о своей работе в Мексике, о написанной им книге «Хемингуэй на Кубе».

Что касается Риммы Казаковой, знакомство с ней состоялось следующим образом: мы с Толкуновой поехали в Канаду по линии общения с соотечественниками. Это была довольно странная организация, непонятно кем финансировавшаяся, и называлась «Встречи с соотечественниками». По тем временам любой выезд за рубеж считался редкой и почетной возможностью. Мы получили суточные еще здесь, в Москве, нам оплатили дорогу, и мы с Валентиной Васильевной оказались в Канаде. Нас принимали духоборы – конфессия христианского направления, отвергающая внешнюю обрядность церкви. Еще Лев Толстой на гонорар, полученный за роман «Воскресение», помог им выехать за рубеж, и они поселились в канадской провинции Саскачеван. Выступив перед духоборами, мы дали концерт в посольстве.

Когда пришло время улетать, в аэропорту объявили, что в Советском Союзе со следующего дня вводится сухой закон. Мы, конечно же, бросились покупать спиртное, чтобы напоследок оторваться в полете, забыть который нельзя. Казалось, пьяны были не только пассажиры, но и экипаж – самолет периодически заносило и непрерывно трясло; трио бандуристов из Украины исполняли уморительные куплеты... Одним словом, это был удивительно веселый рейс.

Примерно через час после взлета к Вале вдруг подошла какая-то женщина, и они расцеловались. Оказалось, это Римма Казакова, которой Толкунова сразу меня представила. Римма дала мне свой телефон, а со временем я случайно наткнулся на ее стихи, написал песню и позвонил ей. Так был создан репертуар для нескольких певцов, довольно быстро сделавшийся популярным: «Мадонна», «Вдохновение», «Ты меня любишь», «Безответная любовь», «Снежный мальчик». Во многом благодаря Толкуновой я встретил поэтессу, которой суждено было стать знаковой фигурой на моем творческом пути. Приятно, что наши с Риммой песни звучат по сей день.

К сожалению, я бы не сказал, что личная жизнь Валентины Васильевны сложилась счастливо, в отличие от жизни творческой. Это была закрытая для обсуждений тема, но как люди, повсеместно находившиеся с ней рядом на гастролях, в перелетах, в гостиницах и на сцене, все мы понимали положение вещей.

Толкунова постоянно читала, анализировала; у нее был особый взгляд на мир, свои требования к людям, к музыке, к поэзии. Мы не являлись единомышленниками, даже чаще

спорили, чем соглашались друг с другом, но беседы с ней доставляли неизменное удовольствие.

В 1987 г. я написал репертуар для Серова, и стало ясно, что мне пора двигаться дальше самостоятельно. Уходил я из коллектива Валентины Васильевны непросто.

Справедливости ради надо отметить, что Толкунову не обрадовал мой новый проект, но оставаться ее музыкальным руководителем у меня уже не было возможности: требовалось сконцентрироваться на работе с Серовым. Она написала письмо в дирекцию Москонцерта, что-то вроде жалобы: хотела, чтобы не я ушел от нее, а она меня уволила.

Я чувствовал новый, мощный виток в своей карьере, и Саша был всецело готов к стремительному взлету; в нем присутствовал кураж, колоссальная энергия. Когда «Мадонна» уже стала популярной, Толкунова, представляя меня со сцены, говорила: «Мой музыкальный руководитель – автор песни «Мадонна»». Зал взрывался аплодисментами, а она продолжала: «Но он не остановился на достигнутом, и в его творчестве есть еще одна песня». А у меня уже был записан целый альбом с Серовым. Я думаю, с ее стороны это была обыкновенная творческая ревность, вполне понятная и объяснимая.

Я обратился к Валентине Васильевне с просьбой поручиться за Серова, которому выпал шанс принять участие в международном конкурсе. Поскольку Саша был в буквальном смысле слова бомжем (он выписался из Николаева, но еще не прописался в Москве), ему требовалось поручительство известной и уважаемой персоны, чтобы выехать за рубеж. По тем временам, возможно, это было немалым одолжением, но Толкунова не дала согласия, и меня обидел ее отказ.

К счастью, в нашей жизни все достойное, талантливое находит – так или иначе – свое место и свою публику. Саша был преисполнен артистического куража и готов к популярности. В итоге он все равно поехал – и победил, причем на двух конкурсах подряд.

Поскольку мой уход из коллектива был непростым, отношения с Валентиной Васильевной мы некоторое время не поддерживали. Позднее снова стали общаться, хотя и нечасто. Несмотря ни на что, я всегда говорил: «Пригласите Толкунову на «Песню года», так как понимал, что она олицетворяет огромный пласт нашей культуры и песни. Работа с ней дала мне бесценный опыт.

В какой-то момент Толкунова решила записать пластинку на фирме «Мелодия». Мы настолько завелись на создание этого альбома, что стали беспрерывно записывать, и все это в результате вылилось в два альбома. Редактором был Владимир Дмитриевич Рыжиков, который впоследствии сыграл в моей судьбе важную роль: он подписал нам с Серовым совместный альбом, в результате чего пластинка «Мадонна» разошлась тиражом 2,5 млн экземпляров. Рецензию к ней написала Валентина Васильевна Толкунова.

Хорошо, что острота в наших с ней отношениях прошла, время все сгладило, и мы снова стали общаться. Я помню, мы встретились на поминках Муслима Магомаева, потом на концерте его памяти, где она сидела рядом с Тamarой Синявской.

К моему юбилею создали фильм на канале РТР, куда вошло интервью с Валентиной Васильевной. Для меня это было приятным сюрпризом. Она говорила обо мне очень тепло, вспоминала смешные эпизоды, наши розыгрыши.

Молва то записывала ей в братья Льва Лещенко, то женила их. Я слевой очень дружу и знаю, что для него смерть Толкуновой стала страшным ударом. Он мне рассказал, как накануне ее последнего дня приехал в больницу; как светло она уходила, как была сильна духом, не проронила ни слезинки. Зная, что она уже пять дней не встает с постели, он уговаривал: «Надо ходить, Валя!», а она в ответ: «Я хожу, Левочка, ты только не волнуйся, я хожу». Они обнялись...

На похоронах Лещенко сказал мне: «Сегодня я весь день буду сердцем и мыслями с Валеи, и завтра тоже, и послезавтра. После поминок буду сидеть один, поминать и разгова-

ривать с ней». Через неделю я снова встретил Леву. Он, все в том же состоянии потрясения, сказал: «Никак не могу отойти, никак не могу поверить».

Толкунова была закрытым человеком; она не открывалась людям, и мне в том числе. Тем не менее она не просто говорила о любви к ближнему, а действовала, как должно поступать верующему человеку. Валентина Васильевна помогала людям практически: выбивала квартиры, просила за многих... Как-то раз Света Моргунова сказала мне: «Валя – сумасшедшая мама! Предложила спеть в воинской части моего сына Максима, чтобы к нему хорошо там относились».

Как-то раз Толкунова предложила: «Поехали в Тольятти выступим. Обещают экспортную шестую модель с шестым двигателем. Это же дефицит сумасшедший!» Я согласился, и мы поехали. Я гнал эту машину обратно, в Москву. По пути случился забавный курьез. Валентина Васильевна попросила остановиться, чтобы сходить в туалет, но, как назло, по дороге ничего подходящего не попадалось. Вдруг проезжаем деревню. Видим дом с забитыми ставнями и туалетом во дворе. Мы остановились, и она поспешила туда. Я прозевал момент, когда из дома вышел хозяин и пошел в том же направлении. Обернулся я уже тогда, когда перед его носом открылась дверь и вышла Валентина Васильевна с распущенными волосами. Мужик чуть с ума не сошел! Отъезжая от его дома, мы видели, как он шел по дороге и вслух разговаривал сам с собой. Наверное, до конца своих дней рассказывал знакомым, что в его туалете побывала сама Толкунова...

Валентина Васильевна была высокопорядочным, светлым, умным, хорошо воспитанным и неоднозначным, специфическим человеком. Она умела правильно общаться, находила к каждому тактичный, деликатный подход, у нее всегда были умные речи; она умела дружить, красиво относиться к людям, умела расположить к себе. Но внутри она все же была намного сильнее и жестче, чем можно догадаться.

Ее жизнь трудно назвать беззаботной: она многим помогала, зарабатывала деньги для всей семьи, работала на износ, поддерживала семью брата Сергея – одним словом, делала все, что было в ее силах. Наверное, доброта заключается именно в поступках. Она безумно любила маму и сына Колю.

Выходя на сцену, Толкунова становилась воздушной. Вне сцены она была нормальной женщиной, со своими обидами, ревностями, которых не отнять у живого человека; но когда она пела, то вся преображалась. Не только перед зрителем, но и перед микрофоном на записи она начинала сиять изнутри. Именно это и называется талантом.

Саульский после их расставания и ухода Толкуновой из ВЮО-66 просил: «Возьмите Валю на какие-нибудь встречи, халтуры, чтобы она заработала». Она же на все предложения отвечала: «Пока не решу, что буду делать на сцене, – никуда не поеду». Валентина Васильевна продумала свой сценический образ, но он не был создан искусственно, ведь без внутренних предпосылок его было бы невозможно воплотить в реальность. В Толкуновой содержался особый посыл к людям, в том числе к несчастным людям. Она была готова сделать их жизнь светлее, как-то облегчить их невзгоды, печали своим творчеством. Все началось с песен «Стою на полустаночке», «Мой милый, если б не было войны», «Спят усталые игрушки», «Деревянные лошадки», «Поговори со мною, мама» – все они знаковые, навсегда вошедшие в историю советской песни.

После траурных, глубоко минорных песен во имя павших в Великой Отечественной войне, вдруг появилось творение гениального Шаферана: «Никто калитку стуком не тревожит, / И гложу я от этой тишины. / Ты б старше был, а я была б моложе, / Мой милый, если б не было войны». Кто сейчас может так написать?!

Совсем недавно мы с Александрой Пахмутовой сидели в жюри конкурса песен ко Дню Победы. Мы прослушали восемьдесят финалистов из семи тысяч участников, но ничего сопоставимого по силе и глубине в помине не было. И дело не в том, что времена Толкуно-

вой были ближе к военным. Все объясняется проще: толкуновское исполнение – уникально. То же самое и с песней «Поговори со мною, мама». Написано немало песен о маме, но так, как она, не спел никто, и ни одна другая песня о матери не приходит на ум, кроме этой. И по детской тематике никто ее не смог обойти: «Носики-курносики» и «Спят усталые игрушки» остаются эталонными. Ее особый тембр голоса украсил также мультфильмы «Простоквашино» и «Порт» на музыку Марка Минкова. Толкунова оставила о себе светлую человеческую и творческую память.

После ухода из жизни за Валентиной Васильевной тянутся связи едва ли не мистического толка. Поэтесса Карина Филиппова, на стихи которой Толкунова исполнила более двадцати песен, стала автором текста новой песни Филиппа Киркорова, а я написал музыку. Все сложилось один к одному. Киркоров принес мне стихи, а я их каким-то образом умудрился потерять. Звоню Киркорову, говорю: «Мне неловко, но придется попросить стихи еще раз». Стал снимать пиджак – они выпали из кармана. Я подошел к роялю и сразу сыграл. Песня родилась мгновенно. Набираю снова номер Филиппа, говорю ему: «Знаешь, а я уже написал». Он отвечает: «А я как раз из аэропорта возвращаюсь и твой дом проезжаю». Я предложил: «Так заезжай послушать!» Иначе как судьбой это не объяснить. И ниточка ведет от Валентины Васильевны Толкуновой.

Мне кажется ужасной несправедливостью, что такие люди, как она, уходят слишком рано.

Народный артист России. Лев Лещенко

Думая о Вале Толкуновой, я возвращаюсь к воспоминаниям ранней молодости, к самому началу жизни. Я кончал институт, параллельно работал в Московском театре оперетты стажером, чуть позже – артистом, и мы несколько раз пересекались в концертах под управлением Юрия Васильевича Силантьева. Валя совсем недавно рассталась с Юрием Саульским, ушла из ВЮ-66 и начала работать в Москонцерте. На Гостелерадио она появилась году в 1972-м, в то время как я, проработав там уже год, считался певцом с опытом.

Москонцерт организовал «чес», как мы это называли, – семьдесят концертов по Дальнему Востоку, Сибири и Камчатке. В то время не было понятия «коммерческий проект», и тем не менее перед нами стояли именно коммерческие задачи, поскольку работали мы стадионы, дворцы спорта, и для выполнения столь масштабных задач нужна была продвинутая, пышущая энергией молодежь. Поехали Валя Толкунова, Женя Мартынов, Гена Хазанов, диктор Центрального телевидения Света Моргунова и я. Также с нами была часть музыкантов из оркестра под управлением Вадима Людвиковского (позднее коллектив был переименован в «Мелодию»).

Представьте себе 70-е годы: необустроенные советские города, затхлые гостиницы, а иногда и вовсе не гостиницы, а библиотеки, пансионаты и общежития моряков. Несмотря на спартанские условия, получалось славно, весело – ведь мы были молодыми, жизнерадостными и жадными до творчества. Никто никому в то время не завидовал, поскольку это было самое начало нашей карьеры, да и восходящие звезды были совершенно разноплановыми. Концерты проходили с большим успехом, а после выступлений мы ходили большой, дружной компанией на рынок, вместе с музыкантами готовили ужин – общий котел... Какое это было чудесное время!

Поездка длилась больше месяца, все мы слегка поизносились, и девчонки, Валя со Светой, даже стирали и гладили нам рубашки перед концертами, заботились о нас. Одним словом, это был кагал молодых ребят и девчат, не отягощенных званиями, регалиями и славой. Все мы очень сблизились в той поездке и стали в дальнейшем одними из самых популярных людей в нашем Отечестве. Нам удалось заработать для Москонцерта огромные деньги, а наши ставки при этом были мизерными, самыми низкими из возможных. Если пересчитать в эквиваленте, то заработок за один концерт равнялся стоимости трех бутылок водки. Несмотря ни на что, мы бесконечно радовались возможности выйти на большого зрителя и не считали деньги приоритетом.

В Валю был влюблен удивительный музыкант Леша Зубов, который ходил за ней хвостиком и, по-моему, досаждал повышенным вниманием. У них намечался роман, который для Леша закончился весьма плачевно: он развелся с женой, а Валя его так и не приняла. Я отчетливо помню, как он страдал. Валя была тогда потрясающей: стройная, с роскошными, длинными волосами, очень дружелюбная, спокойная, женственная. В то же время она никого не подпускала к себе слишком близко, умела держать дистанцию.

По возвращении в Москву мы стали реже общаться, и по-настоящему нас с Валей сдружил композитор Павел Аедоницкий, написавший ей «Серебряные свадьбы». У меня из его песен была в репертуаре «Я вас люблю, столица», которая хотя и не стала шлягером, но все же была на слуху.

Одни из самых дорогих сердцу воспоминаний, связанных с Валечкой, – наши легендарные поездки в Узбекистан. Большим другом и сподвижником Павла Аедоницкого был тогдашний глава республики Шараф Рашидов, который вдохновенно писал стихи. Павел Кузьмич сочинил для него несколько песен, и одну из них я даже исполнял. К тому же еще

один близкий друг Павла, Леонид Греков, стал вторым секретарем ЦК Республики Узбекистан, так что принимали нас по-королевски.

Два-три раза в год мы в обязательном порядке ездили в Среднюю Азию, и как правило, вместе с Валюшей. У меня много фотографий, на которых мы с ней стоим в расшитых халатах около чайханы, на природе. Нас привозили в небольшой оазис, где накрытые на коврах столы ломились от яств; неподалеку стоял мраморный умывальник, и весь этот сказочный колорит впечатлял нас донельзя. Иногда мы даже летали «своим» самолетом – Самарканд отправлял за нами небольшой «Як-40».

Помню, в Самарканде, у гробницы царя Тимура, нас встречал человек, который знал, что мы – от Рашидова и Грекова, и страшно суетился, стараясь угодить. С необыкновенной мягкостью в голосе он поинтересовался: «Вы спуститесь в гробницу Тимура?», а я в ответ хохмил: «А что, ее можно сюда вынести?»

Памятный 1972 г. принес нам с Толкуновой всенародное признание: я выиграл фестиваль в Сопоте, а Валя спела два хита: «Поговори со мною, мама» и «Серебряные свадьбы». Мы с легкостью собирали стадионы. Потом были многочисленные концерты в Колонном зале Дома союзов, на телевидении, а после того как Люся Лядова написала дуэт «Телефонный звонок», народ стал считать нас братом и сестрой, а потом и вовсе «поженил». Это вызывало некоторое недовольство, даже ревность моей законной супруги. Действительно, мы с Валей, появляясь на сцене или телеэкране, выглядели героями из русского фольклора: добрый молодец да красна девица. Валя олицетворяла исконно русскую добродетель благодаря проникновенному лиризму и особой душевности, с оттенком легкой, романтической грусти.

Прошло некоторое время, Толкунова продолжала работать в Москонцерте, я – в Росконцерте, и это обстоятельство вновь разделило нас, поскольку концертная деятельность у каждого была своя. Первая совместная поездка за рубеж состоялась в 1976 г.: Валя, Гена Хазанов, я и группа молодежи поехали на Олимпиаду в Канаде. Нас поселили в общежитии моряков. Мы разместились в большом учебном классе, а в классе по соседству жили наши девочки. Нас, мальчиков, было двадцать два человека в одном помещении. Разумеется, запах стоял невыносимый; мы с Хазановым заходили со спреем в руках, разбрызгивали вокруг себя и только после этой процедуры ложились спать. Девочки жили ввосьмером: Нана Александрия, Валя Толкунова, группа комсомольской поддержки и две немки.

В поездку мы взяли с собой массу сувениров и два огромных ящика водки, бутылок по сорок в каждом. Водка стояла у нас в углу и дожидалась своего часа. Чтобы не скучать, мы придумали двусторонние встречи. В свободном от постояльцев классе накрыли столы, благо закуски было вдоволь, так как питались мы со шведского стола. Разумеется, никому, кроме русских, не приходило в голову брать продукты на вынос: мы набивали сумки экзотическими (по меркам советского человека) фруктами, консервами, всякой всячиной и несли к себе. На окне стоял кондиционер, в который мы складывали продукты, как в холодильник. Первыми на дружественную встречу к нам попали немцы, которых по окончании застолья пришлось разносить на руках по койкам. Стоит ли говорить, скольких друзей мы приобрели в той поездке!

Через несколько дней мы были приглашены в гости к члену Политбюро, послу СССР в Канаде Александру Яковлеву. Знакомство состоялось случайно: мы с Валей оказались на приеме, на корабле «Пушкин». Было тесно и многолюдно. Вдруг кто-то резко толкнул меня в спину. Я обернулся и увидел добродушное лицо мужчины, который принялся вежливо извиняться. Он представился, мы познакомились, и он пригласил нас на следующий день к себе домой. Пришли и Гена Хазанов, и Женя Мартынов. Яковлев был обаятельным, интеллектуальным, остроумным человеком. Он много шутил и рассказывал любопытные истории о

канадской жизни. Женя Мартынов играл, мы с Валею пели, Гена читал. Получился импровизированный домашний концерт. Вышли мы от Яковлева ровно через сутки.

На первый взгляд многие артисты снискали любовь публики, но только Валины песни поддерживали – и, надеюсь, будут и дальше поддерживать и развивать – внутреннюю культуру в людях, напоминали о том, что доброта человеческая, отзывчивость, чуткость являются отличительными чертами русской души. Кому, кроме нее, выпала столь высокая, честно выполненная миссия? Я убежден, что никому. Во всяком случае, ее шлягеры останутся символом душевной теплоты, и в этом смысле Толкунова – единственная певица, чей репертуар от первой до последней песни преисполнен смысла и проникновенности.

Творчество Толкуновой – это сорок лет истории. Когда артиста чествуют при жизни, именуя «великим», эпитеты звучат излишне пафосно и зачастую неискренне. Сейчас, после ее ухода, я не перестаю думать о самом болезненном: человек, внесший колоссальный вклад в национальную русскую культуру, вошедший в плоть и кровь советской, а впоследствии и российской семьи, где патриотизм и духовность – не пустые слова, был сильно недооценен в последние годы жизни. Если говорить о ее творчестве не поверхностно, а вдумчиво, серьезно, то вывод напрашивается сам собой: никто из артистов, кроме Вали, не воспринимался людьми как член семьи.

Валины песни можно исполнять и в компании бардов, и в кругу русских народных исполнителей, и на российских государственных праздниках, и, конечно же, на эстраде. За свою долгую жизнь я знал лишь двух женщин, любимых всенародно, – Валентину Толкунову и Александру Пахмутову. Положа руку на сердце, мы, артисты, нередко лжем, говоря о той или иной певице высокие слова, но в случае с Валею нет нужды кривить душой, потому что она была настоящая. Нет ничего важнее в артисте, чем правдивость и естественность, ведь публика безошибочно чувствует фальшь.

Можно смело утверждать, что на протяжении сорока лет Валя Толкунова занималась духовным просветительством со сцены. Последние годы она глубоко переживала кризис русского и эстрадного жанров в России. Мне горько оттого, что именно настоящие и поистине скромные артисты, как правило, не получают при жизни благодарности на государственном уровне, от лица страны. Смешно сказать, у Толкуновой даже не было ордена «За заслуги перед Отечеством»!

Никто не ездил по российской глубинке так часто, как это делала Валя, чтобы своим искусством хоть на время скрасить невеселую жизнь людей на периферии. Толкунова шла в народ, потому что чувствовала себя неотъемлемой его частью. Она по-настоящему выкладывалась, отдавая зрителю всю себя. Толкуновская песня дышит русскими просторами, духом земли, полевыми цветами, родниковой водой. Все ее творчество созвучно огромной народной душе, а народ не может ошибаться в своих сердечных привязанностях. Кому же еще, как не ей, называться народной певицей?

Неоднократно мы с Хазановым наблюдали, как люди окружают Толкунову после концерта, чтобы дотронуться до нее, поцеловать руку, обнять, спросить совета. Если у нас с Геней просто брали автографы, то к Вале шли с открытым сердцем, как к просветленной.

Размышляя о своей дорогой подруге, я вспоминаю строки Давида Самойлова: «Час пришел, смежили очи гении, и когда погасли небеса – словно в опустевшем помещении, стали слышны наши голоса...»

Заслуженный артист России. Леонид Серебренников

Мы познакомились с Валей Толкуновой в 1978–1979 гг. Точнее сказать не могу; помню лишь, что я как раз начал сниматься, появляться на телевидении – одним словом, делал свои первые шаги на эстраде. Эдуард Савельевич Колмановский, известнейший композитор, один из столпов, неожиданно пригласил нас с Валей на запись «Новогодней елки». Я это воспринял как шок: сам Колмановский пригласил! Имена Фельцмана, Френкеля, Колмановского, Фрадкина были столь громкими, что казалось невероятным чудом получить приглашение от одного из них. К тому времени я уже был знаком с Гладковым, но все равно каждое новое знакомство с композитором воспринимал как подарок судьбы. И Валя в то время уже была знаменитостью, входила в число звезд эстрады первой величины – такая молодая, красивая, мягкая.

Мы встретились у Эдуарда Савельевича. Как сейчас помню небольшой, уютный кабинет, рояль. Мы сели в уголке, он наиграл музыкальный диалог, и мы с ходу по ролям его разыграли. Я безумно волновался рядом с ними: все же Толкунова, Колмановский... Эдуард Савельевич был очень теплым, семейным человеком. Что касается Валентины, то она, как состоявшаяся звезда, могла по-всякому отнестись ко мне, молодому, начинающему артисту; но повела себя настолько деликатно, что через десять минут я забыл о волнении. Она ни разу не надала на меня, не высказалась двусмысленно, с ней было удивительно легко. Это чувство легкости оставалось неизменным на протяжении всего нашего знакомства. Сколько бы мы в дальнейшем ни записывались (было порядка тринадцати дуэтов, и еще некоторые вещи исполнялись без записи), это всегда происходило на равных, и Валя ни разу не выказала своего превосходства. Редкостное качество! Потому с ней и работалось легко, изумительно просто, и я расслаблялся в ее компании, не испытывая ни зажатости, ни напряжения от того, что работаю с большой звездой.

Наш «Диалог» – несомненно, подарок судьбы, потому что, не встретившись я с Толкуновой, неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь. Записанный нами дуэт оказался знаковым в развитии моей карьеры – песня быстро стала суперпопулярной, и для меня «Диалог» явился настоящим «пропуском на работу»: мы выступали всюду, участвовали в концертах, ездили на бесчисленные «Огоньки». Разумеется, рядом с такой певицей меня быстро заметили, стали приглашать, и за свой стремительный карьерный рост я буду всегда благодарен Валюше.

Много позже, когда в созданном ею театре перестал идти наш совместный спектакль, мы встречались последние годы в концертах. Она вызывала меня на сцену и всегда представляла публике не иначе как: «Это – мой князь!», вспоминая свою роль Некрасовской княгини в спектакле, где я играл князя Волконского. Мало сказать, что мне было приятно, – эти воспоминания для меня без преувеличения святы.

Очень часто мы беседовали перед выступлениями, и она говорила: «Давай что-нибудь свое сделаем, создадим театр!» Наконец ее желание осуществилось: она привлекла композитора Катаева, за основу были взяты произведения Некрасова и стихи Кольцова. Так был написан музыкальный спектакль «Русские женщины», повествующий об истории декабристов и их жен, последовавших за ними в ссылку. Спектакль шел в КЗ «Россия», премьера состоялась в 1986 г. На протяжении трех лет мы с большим успехом «катали» его по стране. Постановка была мощной: задействовали балет, хор, Большой эстрадно-симфонический оркестр; дирижировал Константин Кримец, балетмейстером был Михаил Плотников, а роль генерал-губернатора исполнил, как и в фильме, Иннокентий Смоктуновский.

Вспоминая масштабность постановки, не могу не сказать пару слов о необыкновенном Смоктуновском. Иннокентий Михайлович производил впечатление слегка сумасшед-

шего гения. Нас приглашали на репетицию к десяти часам утра, а у него была последняя, девятая, сцена, но приходил он тем не менее ровно к десяти, тихо сидел наверху и смотрел. Он вполне мог подъехать к часу дня, и мне было не понять, почему он так рано приходит. Смоктуновский мог долго наблюдать за репетиционным процессом, но, если что-то казалось ему неточным, неправильным, он вдруг выбегал на сцену и предлагал: «Руки лучше было бы вот так держать. Давайте я покажу!», показывал, потом вспоминал, что режиссурой не занимается, и стремительно возвращался обратно в зал. Благодаря его замечаниям спектакль только выиграл, став плодом коллективного творчества: каждый участник так или иначе внес свою лепту в постановку.

Помню такой эпизод: у нас со Смоктуновским была одна гримерка на двоих, я играл князя Волконского, он – губернатора. Мне пошили мундир с эполетами, а он достал на «Мосфильме» настоящий костюм того времени. Начиналась последняя, девятая, сцена: входит вестовой и передает губернатору письмо, извещающее о приезде княгини Волконской и с просьбой задержать ее. Примечательно, что пели в спектакле только два персонажа – Валя и мой, остальные говорили стихами (к сожалению, у меня сохранилась лишь аудиозапись спектакля).

Как-то раз захожу я в гримерку, смотрю: на стене висит генерал-губернаторский мундир Иннокентия Михайловича, с царскими пуговицами, которых в то время костюмерам было не достать, а на столе лежит конверт с сургучной печатью – реквизит вестового. Я взял его в руки, принялся разглядывать гербовую печать, перевернул и увидел текст. Каллиграфически написанное пером, с завитушками и вензелями, письмо гласило: «Его Высокопревосходительству генерал-губернатору Смоктуновскому Иннокентию Михайловичу». Меня покорило его чувство юмора и – одновременно – вера в предлагаемые обстоятельства, что свойственно только актерам исключительного дарования.

Всех княгинь в спектакле вместили один женский образ, который сыграла Валя, а я – собирательный образ князей. Таким образом, история княжеских пар прослеживалась с пушкинского бала и развивалась в поездке княгини в Сибирь, за мужем. По дороге она заезжала в церкви, попадала на деревенскую свадьбу – и всех женщин, от невесты до молящейся прихожанки, играла Валуша. Для каждого нового образа она меняла костюм, это было изумительно красиво!

Наиболее всего впечатлял эпизод, в котором голос, читавший текст от автора, предлагал зрителю проследовать вместе с княгиней в часовенку. На заднем плане в полутьме молилась Валя, стоя на коленях, в простой белой рубашке, с шикарными распущенными волосами, а на авансцену выходила женщина – ее двойник. Таким образом создавалась иллюзия постоянного присутствия Толкуновой на сцене, в то время как она играла новый персонаж.

Постепенно денег перестало хватать, постановку урезали, а потом началась перестройка, и жизнь нашего спектакля оборвалась.

Мне часто задают вопрос, ходил ли я в гости к Вале, бывала ли она у меня. Я каждый раз отвечаю, что такой необходимости попросту не было, ведь мы проводили на репетициях, концертах и в поездках огромное количество времени. Мне даже в голову не приходило делать снимки; а теперь, когда Толкуновой не стало, я нашел всего шестнадцать фотографий – да и те были сделаны не мной, а кем-то другим.

Отдельно хочу рассказать о банкетах, коих было великое множество. Валя с удовольствием принимала участие в застольях после выступлений и всегда находилась в центре внимания, но не из-за звания народной артистки, а потому, что умела аккумулировать вокруг себя людей и была «тамадой хорошего настроения».

Помню, приезжаем мы на гастроли в Сибирь. Сидит мэр города (название которого уже, к сожалению, не вспомню), мы с Валей рядом; начинаются официальные речи, регламентные тосты. Валя ужасно не любила протокольных формальностей. Она сидела и слу-

шала (а выдерживала она минут двадцать, не более), потом тихо говорит мне на ухо: «Все, не могу терпеть. Сейчас все это поломаю». Тут же рассказала пару анекдотов, и принимающая сторона понемногу расслабилась, а еще через полчаса веселье было в разгаре. После застолья ко мне подошел помощник мэра и сказал: «Что Валентина Васильевна сделала с нашим первым секретарем? Оказался душевным мужиком! Расцвел на глазах! Мы его в жизни таким не видели!»

Валя отличалась не только талантом изумительно рассказывать анекдоты, но и смешливостью: если звучал удачный анекдот, она хохотала в голос, и настолько заразительно, что невозможно было не хохотать вместе с ней. Был случай на съемках новогодней программы, по-моему, «Золотого шлягера»: мы с Толкуновой сидим вдвоем за столиком, перед нами шампанское, фрукты. По соседству сидят Полад Бюль-Бюль оглы, Оскар Фельцман и другие звезды первой величины. Очередь до нас никак не доходила, мы сидели и сидели в ожидании съемки. Прошло часа три. Силы на исходе, и даже открыть шампанское нельзя. Проходит еще час. Я думаю про себя: «Не выдержу. Не смогу». В это время приступили к съемкам Полада Бюль-Бюль оглы. Валя просит: «Скажи что-нибудь веселенькое, а то умру от тоски!» А мы за четыре часа ожидания уже успели переговорить обо всем на свете, и последнее, что я вспомнил, был неприличный стишок, рассказанный мне накануне. Я предупредил ее об этом, но она только отмахнулась: «Рассказывай!» Я говорю: «Ты же хохотать будешь во весь голос», а она: «Нет, не буду». Я: «Да знаю я тебя, будешь», а она: «Что ты знаешь? Говорю же, что не буду, раз нельзя». Ну, я тихонечко ей на ухо прочитал стишок. Она закрыла лицо руками и затряслась, давясь беззвучным смехом, но чем больше сдерживалась, тем сильнее смех прорывался наружу. В итоге Валя начала самозабвенно хохотать, откинувшись на спинку стула, и никак не могла остановиться, поэтому съемку вынуждены были прервать. Она смеялась так долго, что слезы размыли грим, и ее увели перегримировываться. Никто из присутствующих так и не понял, что же произошло.

На протяжении пятнадцати лет мы совместно выступали на всевозможных праздниках, юбилеях городов, заводов, на концертах, ездили на гастроли. Не буду называть город, в котором произошел интересный эпизод, чтобы не тревожить сложившуюся легенду, а случай этот действительно стал легендарным. Приезжаем мы в город N, нас встречают в аэропорту, все организовано на высоком уровне. Мы садимся в машину, едем. Валя сидит на переднем сиденье и беседует с помощником губернатора: интересуется, чем живет город, какие существуют сложности и т. д. В процессе разговора выясняется, что губернатор нездоров, у него большое сердце, и на концерте он присутствовать не сможет. Приезжаем в гостиницу. Помощник губернатора интересуется, когда подать машину. Валя отвечает: «Через час». Я в недоумении, почему так рано, но вопросов не задаю. Через час мы уже едем в больницу к губернатору. По дороге Валя покупает огромный букет. Мы заходим в палату. Можете себе представить удивление губернатора, который лежит на больничной койке и вдруг видит Толкунову: волосы распущены, в руках потрясающие цветы, длинная шуба из чернобурки... Хороша необычайно! Хотите верьте, хотите нет, но губернатор поправился в тот же день, вечером был при полном параде на концерте, а после концерта – на двухчасовом банкете. Вот вам иллюстрация к словам из Валиной песни: «Ты заболеешь – я приду, боль разведу руками». Она умела вдохновлять своим присутствием.

Толкуновой не были свойственны суета, нервозность. Валуша была всегда фантастически спокойна. О таких людях говорят «спокоен, как удав». Не помню ни одного случая, чтобы она возмутилась и повысила голос, крикнула. Разумеется, у нее, как у любого живого человека, случались расстройства и раздражение, особенно из-за накладок со звуком в театре, но она выражала такого рода эмоции по-своему. Если что-то было не по ней, глаза леденели, и, хотя говорить она продолжала все так же спокойно, голос делался стальным.

Валя могла вежливо, но остро «отбрить» так, что мороз пробирал. Слава богу, между нами не случалось конфликтов, и напряженности в отношениях никогда не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.